

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№. 4209.

Воскресенье, 25-го Января 1898 г.

№. 4209.

(1-й призъ).

(1-й призъ).

(2-й призъ).

(2-й призъ).

(3-й призъ).

(3-й призъ).

КОНКУРСЪ КРАСИВЫХЪ ДѢТЕЙ ВЪ ПАЛЕРМО.

Такъ называемые конкурсы красоты, устраивавшіеся въ послѣднія 25 лѣтъ въ Европѣ и Америкѣ различными городами и курортами, съ исключительною цѣлью привлеченія пудки до подобныхъ зрѣлищъ туриставъ, въ послѣднее время начинаютъ принимать болѣе идейный характеръ. Такъ, по почину Флоренціи и Неаполя, общество содѣйствія физическому воспитанію дѣтей въ Палермо устроило весьма недавно оригинальный конкурсъ красивыхъ дѣтей. Исходя

изъ той мысли, что физическая красота сама по себѣ есть только случайный даръ природы, если она не является слѣдствіемъ или выраженіемъ тѣлеснаго совершенства вообще, названное общество, устраивая свой конкурсъ, допустило къ состязанію лишь тѣхъ красивыхъ дѣтей, которыя, по мнѣнію жюри изъ врачей, оказались физически наиболѣе развитыми и здоровыми. Дѣло въ томъ, что некрасивыхъ дѣтей въ Италіи вообще весьма мало, между тѣмъ,

какъ нездоровыхъ и вообще слабыхъ слишкомъ много. Палермскій конкурсъ такимъ образомъ имѣлъ цѣлью не столько премированіе красоты, сколько поощреніе разумнаго физическаго воспитанія дѣтей.

Изъ 300 дѣтей, допущенныхъ къ состязанію, шестеро, портреты которыхъ читатель видитъ передъ собой, получили первые три приза.

ВЛАСЬ - КУБЕРТАСЬ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Циркъ Альфонса Муллино, гастролировавшій лѣтомъ въ г. Ч., рѣшилъ закончить свои представленія.

Все лѣто сборы были плохіе, а нѣсколько случаевъ холеры, въ первой половинѣ августа до того напугали публику, что послѣднія представленія шли уже при почти пустомъ циркѣ. Оставалось собрать все силы, дать на прощаніе блестящее представленіе и перекочевать въ другое мѣсто. Для обсужденія подробностей послѣдняго спектакля состоялось подѣльствомъ антрепренера экстренное совѣщаніе. Въ качествѣ членовъ въ немъ приняли участіе два клоуны, двѣ паѣздицы, Рыжій-на-помощь и г. Поступальскій, владѣлецъ шести дрессированныхъ пуделей и говорящаго попугая.

Совѣщаніе носило почти бурный характеръ. Клоуны настаивали на пантомимѣ, паѣздицы львиную долю спектакля хотѣли отступить въ свою пользу, Поступальскій настойчиво предлагалъ поставить новые и поразительные номера съ дрессированными пуделями. Только Рыжій ничего не требовалъ преимущественно для себя: онъ надѣялся при всякомъ составѣ спектакля обратить на себя вниманіе публики.

Никому изъ членовъ совѣта не удалось однако провести вполне свое мнѣніе. Послѣ долгихъ прешій, большинствомъ голосовъ рѣшили дать первое мѣсто въ прощальномъ представленіи дѣтскому персоналу труппы.

— Это будетъ для здѣшней публики совершенной неожиданностью! воскликнулъ г. Альфонсъ и затѣмъ съ легкой ироніей продолжалъ: — я убѣжденъ, что насъ ждетъ полный успѣхъ... если, конечно, у донны Эмеральды не будетъ болѣть ножка, гг. клоуны будутъ въ ударѣ, а пудели и попугай покажутъ все свое искусство!

Деньги онъ платилъ плохо и потому выражался съ большимъ джентельменствомъ.

При этихъ намекахъ артисты сконфуженно переглянулись и поспѣшили увѣрить г. Муллино въ своей полной готовности содѣйствовать всѣми силами успѣху спектакля.

Немедленно была составлена афиша и редактирована въ окончательной формѣ Поступальскимъ. Онъ считался виртуозомъ цирковой стилистики; его стиль придавалъ заманчивую прелесть самымъ ординарнымъ программамъ. Бумага для афиши была выбрана розовая. Рѣшено было пустить въ ходъ весь запасъ клише, имѣвшихся въ «библіотекѣ» цирка: во-первыхъ портреты всего персонала, затѣмъ изображенія лошадей, льва, позасотой гіены и двухъ обезьянъ, хотя, говоря откровенно, левъ былъ представленъ въ циркѣ только какою-то истрепанной шкурой, дѣйствительно, желтаго цвѣта, а гіена и обезьяны отсутствовали совершенно. Розовую афишу расклеили по всему городу и даже на оградѣ кладбища, гдѣ на другой день должны были хоронить богатаго покойника.

На томъ же совѣтѣ было принято предложеніе Рыжаго-на-помощь. Онъ совѣтовалъ отправить, такъ сказать, делегацию, и по мѣрѣ возможности, самую эффектную въ Дахновку. Село Дахновка,

одно изъ популярныхъ въ Малороссіи дачныхъ мѣстъ, находится въ 7 верстахъ отъ Ч. и обыкновенно переполнено дачниками. Рыжій-на-помощь имѣлъ точныя свѣдѣнія о томъ, что дачники изнываютъ отъ скуки. Онъ зналъ объ этомъ отъ одной толстой, но робкой булочницы, сердцемъ которой успѣлъ завладѣть вполне, не смотря на краткость своего пребыванія въ городѣ.

Делегатами въ Дахновку были выбраны: режиссеръ труппы снйоръ Свѣтозаро Франчески — въ дѣйствительности житомирскій мѣщанинъ Трофимъ Досинчукъ, миссъ Флора, дѣвочка лѣтъ 14, любимица и гордость всей труппы, — специалетка воздушныхъ полетовъ, Поступальскій и Рыжій-на-помощь. Поступальскому, строго говоря, не было подходящей роли въ делегацию, но онъ очень хотѣлъ подышать чистымъ воздухомъ и предложилъ свои услуги въ качествѣ кучера.

На другой день послѣ засѣданія данный желтый шарбанъ цирка покатился къ мѣсту назначенія. Позади экипажа бѣжала тройка лошадей для ознакомленія дахновскихъ дачниковъ съ различными статьями цирка Альфонса Муллино.

Дорога въ Дахновку идетъ все время въ иколѣпнымъ сосновымъ лѣсомъ. Депутаты молча восхищались. Даже Рыжій-на-помощь былъ некрепче тронуть, и его шутовское лицо стало грустнымъ. Онъ забылъ свои спичечныя остроты и трескъ пощечинъ и вспомнилъ тотъ далекій хуторъ, въ углу Черниговской губерніи, гдѣ родился и выросъ.

Поступальскій не любилъ быстрой ѣзды, и шарбанъ медленно катился по дорогѣ, среди колоннадъ гигантскихъ сосенъ, отливавшихъ матовымъ золотомъ.

II.

Власъ — коренной житель Дахновки. Зимой и лѣтомъ бродитъ онъ по деревнѣ, босой, въ рваныхъ брюкахъ, оканчивающихся бахромой, и въ почерпѣвшемъ лесуновомъ пиджакѣ съ вырванными карманами; черезъ дыры видно было его жалкое, худое и желтое тѣло.

Весь длинный лѣтній день Власъ въ движеніи. Онъ или осторожно шагаетъ по улицѣ, склонивши голову на сторону и внимательнымъ взоромъ обводя все веранды и бесѣдки, гдѣ его часто угощаютъ чаемъ и папиросами, то онъ спуетъ взадъ и впередъ около бакалейной лавки, или онъ полочется въ водѣ на берегу залива. Въ лавкѣ Власа слышно интригуется банка съ карамелью и высокой шкафъ, гдѣ за стеклянной дверью разложенъ табакъ въ большихъ цвѣтныхъ коробкахъ. Отъ времени до времени онъ подходитъ къ лавкѣ, просовываетъ въ двери ея голову и, затянувшись праннымъ воздухомъ, насыщеннымъ бакалейными запахами, сладко зажмуриваетъ глаза. При лавочкѣ у Власа постоянное и, по его мнѣнію, очень почетное занятіе: ему поручаютъ носить корзину съ бѣльемъ на берегъ залива. За это онъ получаетъ подарки, которые доставляютъ ему большое наслажденіе: коробку отъ сардинокъ, бутылку прокишаго пива и въ особо торжественныхъ случаяхъ папироску.

Власъ, прежде всего, очень робокъ. Онъ боится всего: новаго человѣка, книги въ яркомъ переплетѣ, расписной китайской этажерки. Тревогу свою онъ передаетъ обыкновенно цифрами. Считать Власъ умѣетъ только до шести, затѣмъ идетъ десять, шестнадцать и девяносто пять, по уже и этихъ послѣднихъ количествъ умъ его понять не можетъ, они теряются для него въ безконечности, и самая мысль о нихъ сопровождается какими-то неприятными подавляющими чувствованіями.

Вотъ, напримѣръ, яркая радуга кисейной дугой легла по небу — это «шестнадцать!» Тяже-

лая, почти черныя тучи облегли со всехъ сторонъ небосклонъ, и золотистые просвѣты померкли почти на всехъ просѣкахъ — Власъ быстро и многократно крестится и съ ужасомъ повторяетъ: «девяносто пять! девяносто пять!» Это число, даже само по себѣ, вызываетъ въ немъ чувство мистическаго ужаса.

Если Власа нѣтъ около лавочки, то онъ, по всей вѣроятности, на берегу залива. Обыкновенно онъ барахтается на самомъ берегу, потому что плавать не умѣетъ и потому что очень боится верховня, маленькой и безвредной рыбки, которая съ легкимъ шумомъ часто скользитъ по самой поверхности воды. Крестьянскія дѣвушки, которыя стираютъ на берегу бѣлье, несколько не стѣсняются близости Власа, лишь бы только онъ не обрызгалъ имъ бѣлья. «Развѣ онъ чужой?» замѣчаютъ онъ добродушно.

Вотъ и почти вся душевная жизнь Власа. У него нѣтъ мыслей, онъ не можетъ вести никакого разговора, онъ не помнитъ ни лицъ, ни фактовъ, ни именъ; для него нѣтъ прошедшаго. Онъ живетъ впечатлѣніями настоящаго мгновенья. Впрочемъ, его память можетъ сохранять нѣкоторыя впечатлѣнія; онъ помнитъ всю обѣдню и всю всенощную; передаетъ съ фенграфической отчетливостью сильный голосъ дѣячка и старческой баритонъ священника, знаетъ наизусть псалмы и акафелты.

Однако, по временамъ, въ сознаніи Власа бывають минуты просвѣтлѣнія. Тогда онъ говоритъ связно и много; даже проповѣдуетъ, даже бросаетъ кругомъ себя взгляды, полныя презрѣнія. Въ такія минуты его рѣчи — отрывки какого-то міросозерцанія. Съ особеннымъ негодованіемъ онъ говоритъ тогда о женщинахъ. Онъ ихъ презираетъ!

Въ такія минуты онъ сознается, что любитъ... лѣсъ... и молится ему. Особенно онъ любитъ сосну и любитъ чисто человеческимъ чувствомъ. Около сосны легче дышится его больной груди. Около сосны — тишина, благоговѣніе, здѣсь никто не кричитъ ему подлаго оскорбленія: «Кубертасъ!» Это слово ничего не значить, не имѣетъ никакого смысла, но приводитъ его въ бѣшенство.

Сосна чаруетъ его гладкой округленностью своего сочнаго ствола, нѣжнымъ тѣлеснымъ цвѣтомъ легкой выпуклой коры и тихимъ шумомъ верхушки, который кажется ему разговоромъ, но котораго никогда нельзя понять. Сосна чиста и прекрасна, какъ золотая лампада въ церкви.

Въ эти минуты просвѣтлѣнія Власъ уходитъ изъ деревни въ глубь лѣса, далеко, далеко, въ лѣсную чащу, въ высокой папоротникъ. Здѣсь кругомъ тишина; только осторожно постукиваютъ дятлы да возятся въ верхушкахъ бѣлки.

Съ ловкостью животного, легко опираясь на хрупкіе остатки вѣтвей, Власъ взлѣзаетъ на самую верхушку своей любимицы сосны.

Подъ нимъ разстилается зеленое море матовыхъ иглъ, надъ нимъ жаркое солнце на блѣдномъ небѣ.

Охвативши горячими руками тонкую верхушку сосны, послушно отдающейся его нервнымъ движеніямъ, Власъ замираетъ въ трепетномъ забытіи. Ему ближе отсюда къ небу и къ солнцу. Зеленая игла говоритъ ему что-то ласковое, хорошее и трогательное, по что? Это тайна. Власъ мечтаетъ здѣсь велухъ, и съ верхушки сосны слышится его нѣсни, странныя по мелодіи и почти непонятныя по содержанию. Въ нихъ слышится жалоба и гнѣвъ, тихія слезы и огонь страстнаго негодованія.

На верхушкѣ этой сосны у Власа свое мѣсто; здѣсь висятъ рядами на цвѣтныхъ ленточкахъ коробки отъ спичекъ, банки отъ горчицы, разбитые стаканы и чашки. Вѣтеръ шелеститъ, и

стаканы и чашки, ударяясь другъ о друга, издають легкіе дребезжащіе звуки. Здѣсь Власъ проводилъ цѣлые часы. Въ такія минуты онъ сознаетъ, что онъ тяжело боленъ, и надѣется, что зеленія иглы помогутъ ему: онѣ вѣдъ бьютъ челоуѣка отъ гнѣва, болѣзней и пороковъ.

III.

Часовъ въ десять утра, въ то время, когда лѣсъ обыкновенно переполненъ гуляющими, въ Дахновкѣ произошелъ переполохъ. На правомъ краю села послышались какіе-то тревожные крики. Куда-то пробѣжала толпа ребятишекъ. Причина волненія была неизвѣстна: одни говорили, что село горитъ, и пожаръ распространяется съ необыкновенною силой; другіе утверждали, что въ деревню ворвался бѣшеный волкъ.

Скоро паника охватила все село. Первыми побѣжали изъ лѣсу дачницы и дачники, бросивши въ лѣсу гамаки, пледы и ручные стулья. За ними бѣжали, что было силы, няньки и кормилицы, перебросивши на спину своихъ питомцевъ. Даже насторожій сеттеръ бросилъ въ лѣсу хозяевъ и, прижавши уши, летѣлъ изъ лѣсу какъ стрѣла.

Между тѣмъ крики стали доноситься явственнѣе:

— Она! Ото-жь она! Идетъ! Идетъ!

Черезъ нѣсколько минутъ по всему селу перекатывалось:

— Холера идетъ! Холера идетъ!

Въ нѣкоторыхъ хатахъ бабы торопливо закрывали ставни; въ другихъ мѣстахъ къ воротамъ выносили иконы и кресты. Поспѣшно загоняли въ сараи свиней и птицу.

Встревоженные дачники высыпали на улицу. Одни думали, что черезъ село провозятъ холерныхъ больныхъ или покойниковъ; другіе утверждали, что это—обычная встрѣча санитаровъ, которыхъ со дня на день ожидали въ Дахновку; третьи, болѣе первые, чтобы не сказать больше, готовы были вѣрить, что холера, дѣйствительно, начала свирѣпствовать въ деревнѣ и горячимъ вѣтромъ переносится изъ хаты въ хату.

Нѣкоторые дачники надѣли уже саквояжи. Кто-то кричалъ: «Семень! запрягай лошадей! Живо!» Жена одного изъ кievскихъ архитекторовъ почувствовала вдругъ спазмы въ желудкѣ и повалилась на землю.

Между тѣмъ что-то, дѣйствительно, приближалось. Шумъ подходилъ все ближе и ближе.

Наконецъ, вдали по дорогѣ показалась толпа ребятишекъ. За ними прихрамывая бѣжала Власъ, очень встревоженный, безъ шапки, въ разорванномъ пиджакѣ. Всѣ они кричали: «холера! холера!», на минуту останавливались, наклоняясь къ землѣ и оглядываясь назадъ, и затѣмъ опять бѣжали впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ между деревьями мелькнуло нѣсколько пестрыхъ фигуръ, и «холера» медленно выѣхала на большую дахновскую дорогу.

Впередѣ, на пышно убранной бѣлой лошади, легкимъ дамскимъ галопомъ ѣхала миссъ Флора. Коротенькое бѣлое платье, отбѣланное розовымъ шелкомъ, изящно стягивало ея нѣжный станъ. Большіе темные глаза, еще не утратившіе чистоты и наивности дѣтства, глядѣли изумленно и насмѣшливо. За миссъ Флорой скакалъ донъ Свѣтозаро въ костюмѣ опернаго герольда съ широкой трубой, на которой онъ наигрывалъ браурный маршъ. За ними на ободранной клячѣ съ огромнымъ синимъ хвостомъ ѣхалъ Рыжій-на-помощь, въ своемъ парадномъ костюмѣ діавола; онъ выкидывалъ на кручѣ коня обычныя клоунскія штуки и внушалъ толпѣ несомнѣнный ужасъ. Кавалькаду замыкалъ г. Поступальскій.

Онъ немного отсталъ, потому что часто останавливался и бросалъ свои розовыя афиши въ открытыя окна дачныхъ домовъ или патыкалъ ихъ на частоколы.

IV.

Депутация быстрымъ аллюромъ подъѣхала къ дачникамъ, толпившимся на дорогѣ. Донъ Свѣтозаро, припавши эффектную позу, сказалъ:

— Почтеннѣйшая публика! Знаменитый циркъ г. Альфонса Муллино, артиста при дворѣ султана турецкаго и королевы великобританской, имѣетъ честь покорнѣе просить васъ пожаловать на необыкновенное, ультра-фантастическое представленіе, которое будетъ сегодня въ городскомъ циркѣ, въ послѣдній разъ!

— Bravo, bravo! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Дачникъ съ саквояжемъ, уже готовый къ отъѣзду, кричалъ даже «ура», а у архитекторши мгновенно прекратились спазмы. Общая тревога разрѣшилась взрывомъ счастливаго восторга.

Депутаты нѣсколько смутились этимъ необычнымъ, слишкомъ восторженнымъ приемомъ. Сомнѣваясь въ его искренности, они нѣсколько растерялись и въ смущеніи переглядывались другъ съ другомъ. Вышла пауза. Наконецъ, Рыжій-на-помощь, рѣшивъ выяснитъ положеніе, состроилъ шутовскую физиономію и сказалъ:

— Господа публика! Мы пріѣхали, кажется, кетати?

— Весьма кетати! сразу крикнуло нѣсколько челоуѣкъ.

— Мы хотимъ показывать вамъ кое что, весело крикнулъ Рыжій-на-помощь и протеселъ колесомъ по окраинѣ дороги.

— Отлично! Показывайте!

Упражненія начались. Миссъ Флора граціозно, хотя нѣсколько робко, галопировала: она боялась, чтобы лошадь не споткнулась на неровной и поросшей травой полянѣ. Рыжій-на-помощь исполнялъ самыя трудныя номера салтомортального искусства. Каждый номеръ его вызывалъ громъ аплодисментовъ. Донъ Свѣтозаро приготавливалъ бумажные обручи, чтобы въ свою очередь вступить въ дѣйствіе. Поступальскій обходилъ дачниковъ и предлагалъ имъ билеты на вечернее представленіе. Но хотя тревога и разсѣялась, тѣмъ не менѣе билеты расходились очень туго. Путешествіе въ городъ, гдѣ были холерные случаи, никого не соблазняло.

Въ то время, какъ импровизированное представленіе было въ полномъ разгарѣ, по дорогѣ въ городъ карьеромъ пронесся верхомъ мѣстный десятскій. Ему давно уже было строго приказано, лишь только холера появится въ деревнѣ, немедленно увѣдомить становаго пристава. Онъ скакалъ безъ шапки, торопясь исполнить приказаніе.

V.

Волненіе среди крестьянъ мало по малу стало стихать. Первыми приблизились ребятишки. За ними осторожно придвинулся Власъ, очень возбужденный и недоумѣвающей. За частоколами и около хатъ стояли группы любопытныхъ крестьянъ. Только бабы голосили попрежнему и, бѣгая по селу, срывали розовыя афиши Поступальскаго.

Мало-по-малу около акробатовъ образовалась цѣлая толпа зрителей. Ребятишки успѣли уже пробраться впередъ, а вмѣстѣ съ ними продвинулся и Власъ, не спускавшій глазъ съ миссъ Флоры.

Мальчики вполголоса обмѣнивались впечатлѣніями.

— Смотри, какая красивая холера, шептали въ толпѣ ребятишекъ, указывая на миссъ Флору.

— Не подходи, Костя! Помреть, дурень! слышалось предостереженіе.

Въ самый разгаръ представленія съ Власомъ произошелъ его обычный припадокъ: углы губъ подвернулись книзу, глаза ушли изъ орбитъ, и остался только желтоватый бѣлокъ, испещренный кровавыми жилками. Все тѣло его согнулось; несчастный судорожно прижалъ руки къ колѣнамъ, и крупныя слезы полились изъ его опустѣвшихъ глазъ.

Мальчишки, несмотря на интересъ представленія, съ хохотомъ стали подвигаться къ Власу и хватать его за пиджакъ.

Припадокъ прекратился мгновенно, но вмѣсто того, чтобы расправиться съ мучителями, какъ это бывало обыкновенно, Власъ вдругъ выпрямился и крикнулъ:

— Нужно съ нея счититъ холеру!

Съ этими словами онъ бросился къ миссъ Флорѣ, раскланывавшейся въ это время съ аплодировавшими ей дачниками, схватилъ ее, перебросилъ черезъ плечо и помчался въ густой соснякъ, сплошною стѣной примыкавшій къ полянѣ, гдѣ происходили упражненія.

Это было дѣломъ одной минуты. Прежде чѣмъ успѣли опомниться, Власъ уже исчезъ изъ виду. Всѣ бросились за нимъ: дачники, дамы, ребятишки, крестьяне. Впередѣ всѣхъ бѣжали донъ Свѣтозаро и Рыжій-на-помощь.

Найти Власа было, однако, не легко. Густыя вѣтви молодыхъ сосенъ тянулись почти надъ землей и крайне затрудняли дорогу. Преслѣдователи рассыпались по рошѣ, но Власа нигдѣ не было видно. Пышная зелень молодыхъ сосенъ закрывала дорогу со всѣхъ сторонъ. Не было слышно ни треска вѣтвей, ни крика. Мертвая тишина. Донъ Свѣтозаро въ недоумѣніи остановился.

— Этотъ идиотъ задушитъ ее! крикнулъ одинъ изъ дачниковъ, и со всѣхъ сторонъ послышались выраженія сочувствія, совѣты, планы.

— Онъ, вѣроятно, побѣжалъ къ своей соснѣ, робко замѣтилъ бѣлоголовый Костя.

— Конечно, конечно... Показывай дорогу! крикнулъ кто-то, и всѣ бросились за Костей.

Предположеніе оказалось вѣрнымъ. Когда Рыжій-на-помощь вслѣдъ за Костей первымъ прибѣжалъ къ соснѣ, Власъ уже былъ высоко надъ землей. Онъ увѣренно взбирался наверхъ, ставя ноги на знакомые сучья и хватаясь руками за углубленія коры, на память, не глядя.

Сосна Власа—это широкій, обхвата въ два, стволъ, снизу, повидному, почти гладкій, къ срединѣ же съ большими и частыми сучьями. Въ нижней части ствола Власъ сдѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ, сразу незамѣтныхъ для посторонняго глаза, зарубки и щели, благодаря которымъ съ поразительной быстротой взбирался на дерево. Кругомъ сосны стояла цѣлая семья молодыхъ сосенокъ и кленовъ.

Подбѣжавши къ дереву, Рыжій-на-помощь, обхвативши стволъ руками, пробовалъ подыматься на мускулахъ, но почти сейчасъ же сорвался. Повторять попытку было безцѣльно.

Когда дачники, одинъ за другимъ, подбѣжали къ дереву, Власъ уже достигалъ коронки сосны. Миссъ Флора была, повидному, въ обморокѣ.

Собравшаяся подъ деревомъ толпа зашумѣла. Послышались совѣты, планы; поднялось общее волненіе. Съ женой архитектора сдѣлалась пестерика, и мѣстный докторъ приводилъ ее въ чувство. Власу угрожали, по его адресу посылали проклятія, его уговаривали, умоляли—ничто не помогало. Онъ готовился тамъ, на верху сосны, къ чему-то ужасному. Немедленно послали за священникомъ, котораго Власъ боялся. Послали также за матерью идиота.

Французскій государственный банкъ. — Доставка золота въ главную кладовую банка.

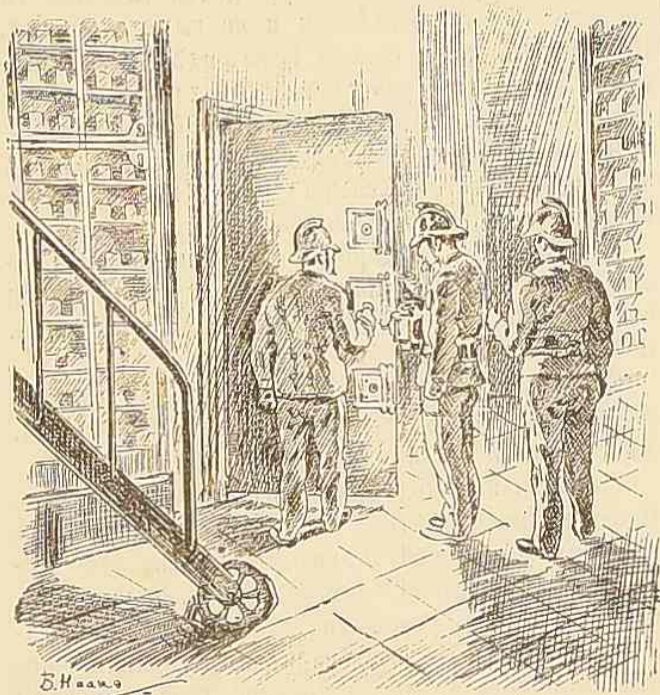
Донъ Свѣтозаро плакалъ какъ ребенокъ, и слезы текли по его напудреннымъ щекамъ.

VI.

Добравшись до своего мѣста, Власъ осторожно положилъ миссъ Флору на толстыя вѣтви и сталъ развязывать поясъ... Внизу поднялся страшный шумъ. Рѣшили стрѣлять въ идиота. Учитель Миргородовъ, страстный охотникъ, несмотря на свою непомѣрную толщину, самъ побѣждалъ за ружьемъ. Но всѣ сознавали, что пока будетъ ружье, Власъ успеетъ расправиться съ своей жертвой.

Подъ деревомъ стоялъ какой-то стоиъ, въ которомъ смѣшивались проклятія, угрозы, рыданія.

Миссъ Флора вдругъ очнулась. Увидѣвъ предъ собою испуганное лицо Власа, она схватилась

Французскій государственный банкъ. — Пожарные у контрольного аппарата.

руками за вѣтви, на которыхъ лежала, и пыталась подняться, но Власъ бросился на нее и на вѣтвяхъ завязалась борьба. Несмотря на свою худобу и невзрачность, Власъ обладалъ, въ минуты подъема настроенія, огромной физической силой, и миссъ Флора должна была почти тотчасъ же уступить. Онъ прижалъ ее къ дереву и перевязалъ по талии поясомъ. Въ это время внизу уже было ружье, но стрѣлять теперь, на такомъ разстояніи, было безразсудно.

Власъ, между тѣмъ, оторвалъ дѣвущку отъ дерева, за которое она судорожно схватилась, и, приподнявши, сталъ раскачивать ее, напѣвая при этомъ свою любимую пѣсню.

Вдали показалась таратайка священника.

Всѣ съ ужасомъ ждали развязки.

Власъ сильно раскачалъ молодую дѣвущку, намѣтилъ мѣсто, гдѣ сосны были гуще, и со всей силы швырнулъ ее въ зеленое море иглъ. Сосновые иглы очищаютъ отъ земной грязи и болѣзней. Онъ спасетъ красавицу.

Сальтомортальное искусство сослужило на этотъ разъ неожиданную службу миссъ Флорѣ. Брошенная на вершину сосѣдней сосны, она ловко схватилась за первую попавшуюся ей на дорогѣ вѣтвь. Это была слабая верхняя вѣтка. Она съ трескомъ поддалась подъ тяжестью дѣвущки. Но миссъ Флорѣ только и нужна была эта ничтожная остановка. Падая внизъ, она схватила гибкую, но прочную вѣтвь сосѣдняго клена, преграждавшую ей дорогу.

Всѣ съ ужасомъ слѣдили за этимъ страшнымъ полетомъ, но донъ Свѣтозаро былъ уже спокоенъ и тихо крестился. Забывши эффектную цирковую номенклатуру, онъ крикнулъ:

— Скакай, Анютка, направо! Тамъ сучокъ хорошъ!

Черезъ нѣсколько минутъ миссъ Флора благополучно спустилась на землю.

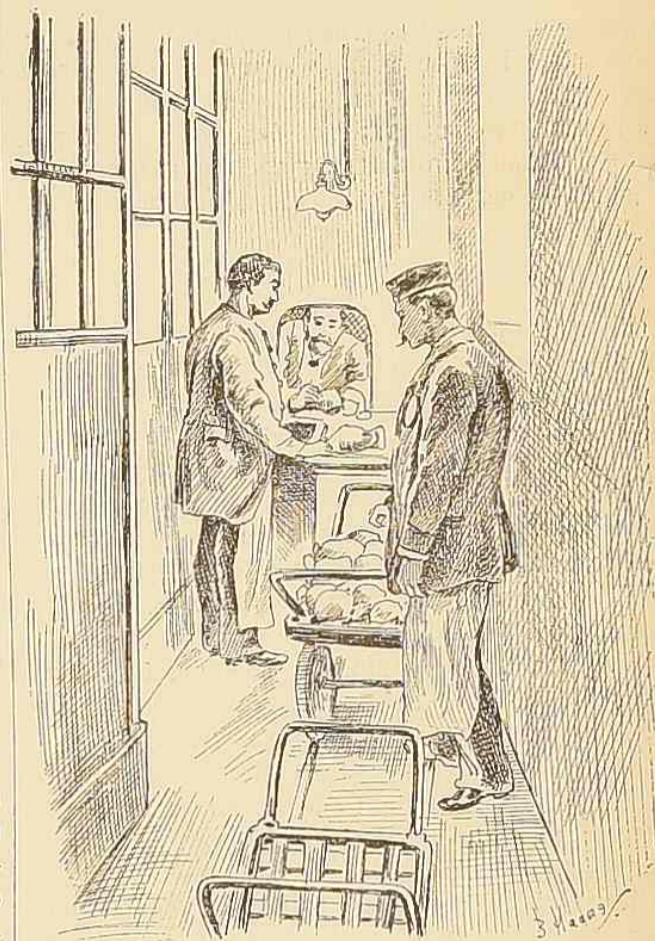
VII.

Вечеромъ въ этотъ день циркъ Муллино былъ переполненъ. Вся Дахновка была въ циркѣ. Необычайное стеченіе дачниковъ привлекло и горожанъ. Билеты брали съ бою.

Миссъ Флору встрѣчали громомъ аплодисментовъ и засыпали цвѣтами. Въ послѣднемъ дѣйствіи ей поднесли золотой браслетъ съ аметистами. Лучшаго нельзя было найти въ городѣ.

На другой день дахновскія власти изловили Власа и, по приговору волостного правленія, высѣгли.

В. Бѣловъ.

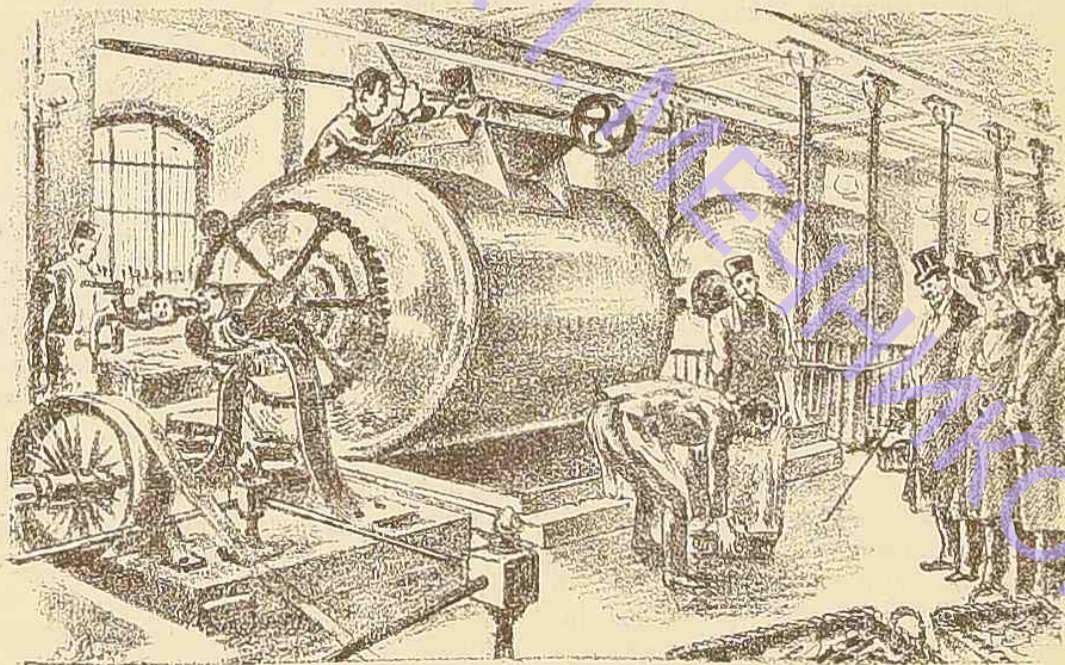

Французскій государственный банкъ. — Доставка звонкой монеты въ главную кассу.

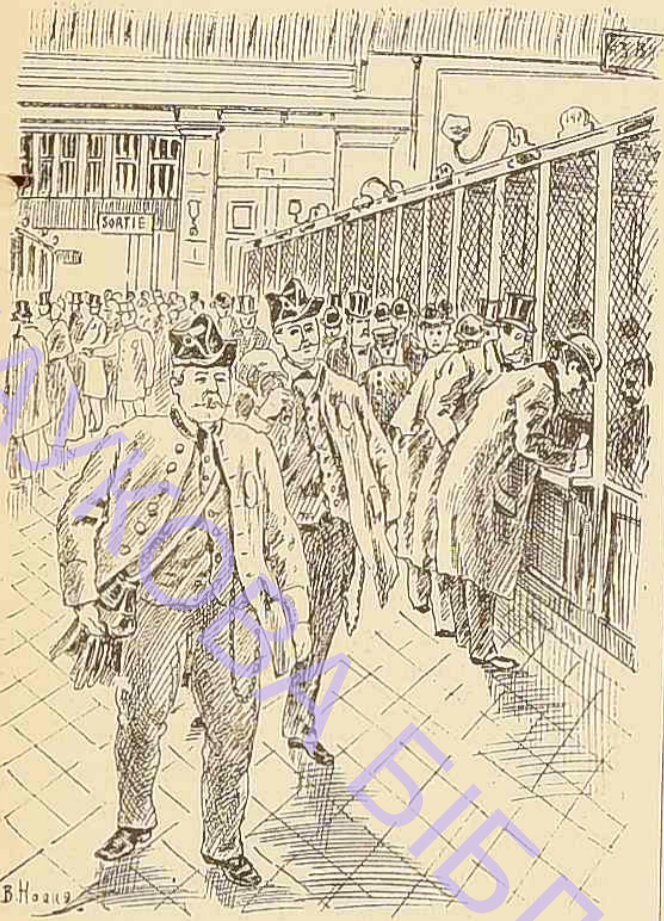
Французскій государственный банкъ.

По поводу недавняго назначенія новаго управляющаго «Banque de France», французскія газеты даютъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи.

Банкъ занимаетъ огромное зданіе бывшаго замка Vrillière, въ улицѣ того же имени. Онъ основанъ въ 1803 году, и въ настоящее время представляетъ образцовое учрежденіе, одну изъ выдающихся достопримѣчательностей Париза. Въ настоящемъ номерѣ мы даемъ изображеніе различныхъ отдѣленій банка. На одномъ изъ нашихъ рисунковъ представлена операція выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Цѣлая армія женщинъ занята наложеніемъ на банкноты штемпельныхъ подписей, посредствомъ особыхъ машинокъ, проверкой этихъ подписей

Французскій государственный банкъ. — Аппаратъ для уничтоженія старыхъ ассигнацій.

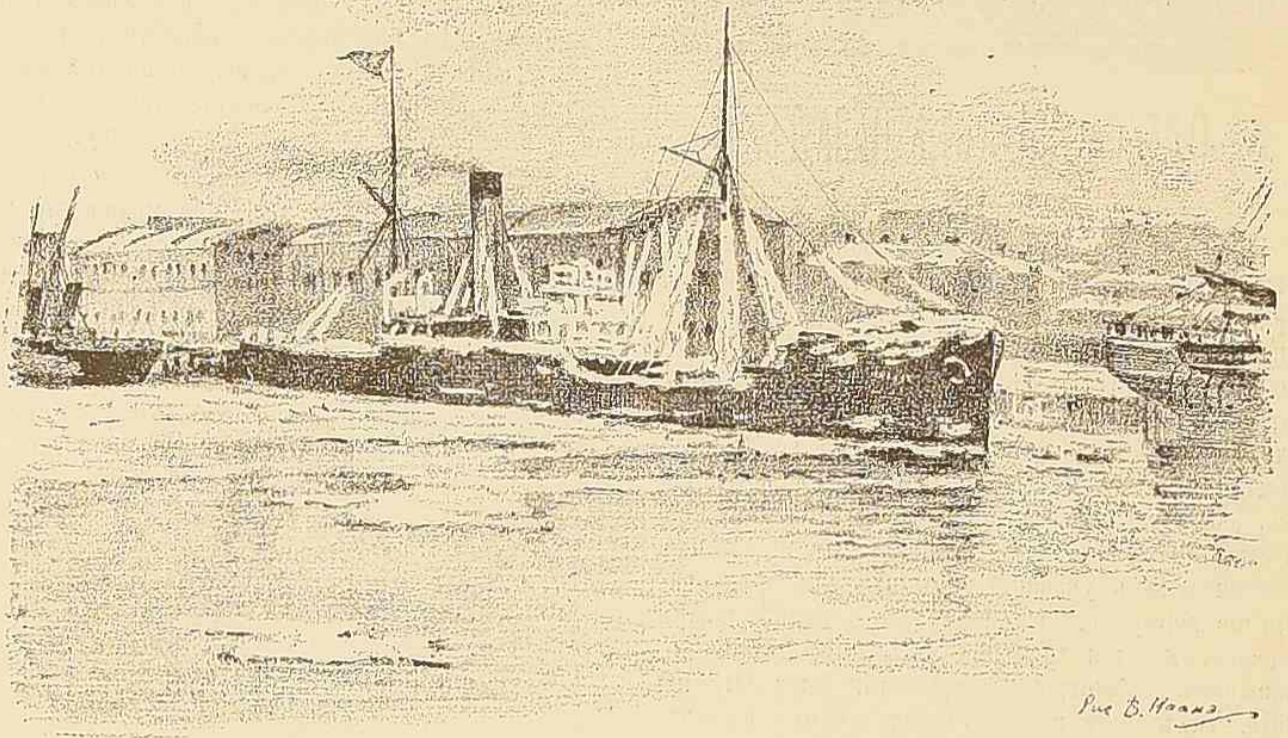

Французскій государственный банкъ.—Полученія по векселямъ.

и складываніемъ готовыхъ билетовъ въ пачки. Вся звонкая монета, поступающая въ различные кассы банка, въ особыхъ вагонеткахъ доставляется по рельсамъ въ главную кассу, откуда она, по пробѣркѣ, свозится по такимъ же рельсамъ въ подземную кладовую банка. Въ эту кладовую, абсолютно несгораемую и непроницаемую, ведетъ монументальная дверь изъ литой стали, запираемая тремя различными и единственными въ своемъ родѣ замками. Три ключа къ нимъ находятся всегда у трехъ директоровъ банка. Нашъ рисунокъ изображаетъ тотъ моментъ, когда артельщики доставили въ кладовую грузъ золота и ждутъ, чтобы директора открыли своими тремя ключами завѣтныя двери. Другой рисунокъ представляетъ огромную толпу вечер-

нихъ клиентовъ банка, являющихся за получениемъ своихъ неакцентованныхъ векселей или платежей по нимъ.

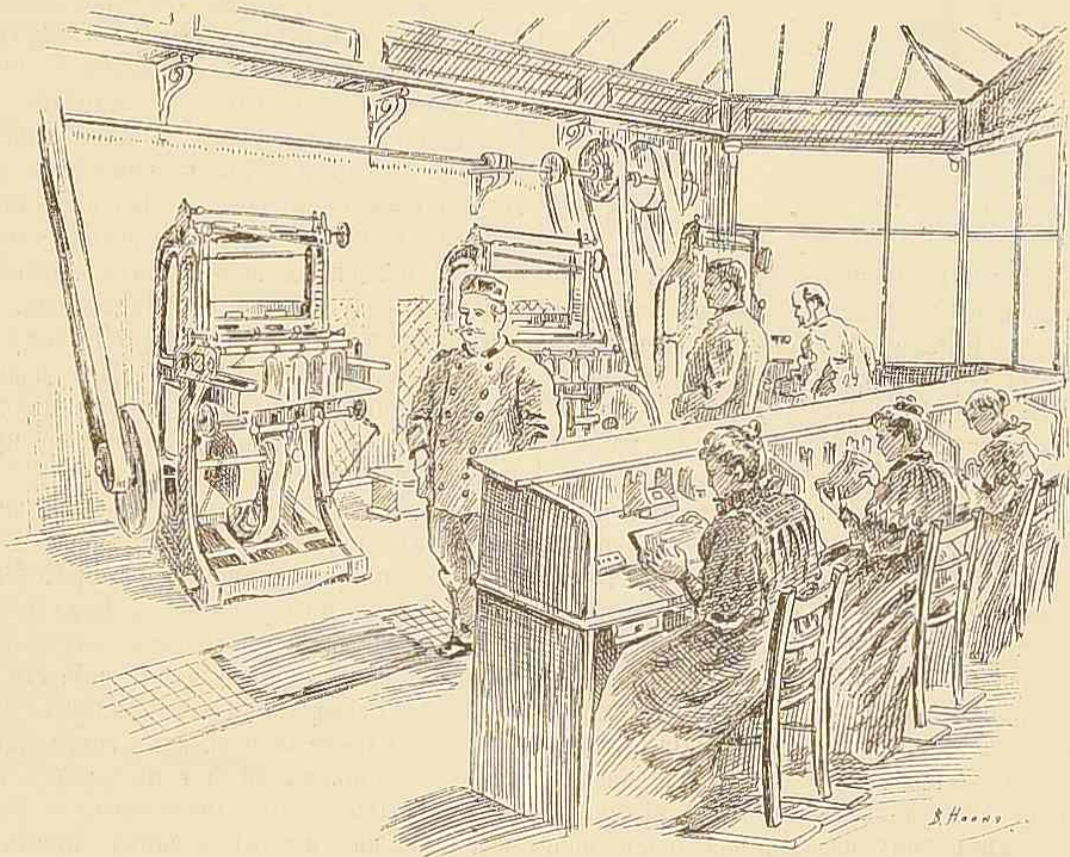
Банковые билеты, бывшіе долго въ обращеніи и пришедшіе въ ветхость, возвращаются въ банкъ и здѣсь уничтожаются. Одинъ изъ нашихъ рисунковъ изображаетъ процессъ этого уничтоженія негодныхъ билетовъ, въ особо для этого отведенной залѣ. Здѣсь находится два большихъ цилиндра, наполненныхъ хлорной известью и снабженныхъ по внутреннимъ стѣнкамъ особыми скребками и острыми крючками, которые, при вращеніи наружной рукоятки цилиндра, разрываютъ ассигнаціи въ мелкіе клочки, превращая ихъ въ бумажную массу, въ то время, какъ известь удаляетъ съ нея всякій

«Обледенѣлый корабль»,
англійскій пароходъ «Сципіо», прибывшій въ одесскій портъ.
(Набросокъ съ натуры В. Нааке).

слѣдъ типографскихъ чернилъ. Эта масса сдается затѣмъ банкомъ писчебумажнымъ фабрикамъ, которыя превращаютъ ее въ чековые книжки.

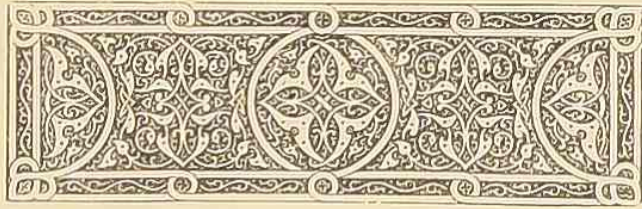
Наконецъ, послѣдній рисунокъ изображаетъ отрядъ пожарныхъ, обходящихъ различные кассы и кладовыя банка. Обходы эти имѣютъ мѣсто и днемъ и ночью, и нажиманіемъ кнопокъ на циферблатахъ особыхъ контрольныхъ аппаратовъ, вдѣланныхъ въ стальные двери, ведущія въ кладовыя, пожарные обязаны свидѣтельствовать о точномъ исполненіи ими своихъ обязанностей.

Французскій государственный банкъ.—Выпускъ банковыхъ билетовъ.

Гумберто Джіордано,
авторъ оперы «Андреа Шенья», поставленной на сценѣ одесскаго Городскаго театра
22 января 1898 года.

ОДЕССА 100 ЛѢТЪ НАЗАДЪ,

Въ 1894 году Одесса праздновала первое столѣтіе своей жизни. Очень молода наша южная красавица, но она развилась не по лѣтамъ и спѣшить жить, да еще какъ спѣшить. Не только дома поминутно трескаются и быстро старѣютъ, но даже самая почва и та спѣшить сползти въ море и безслѣдно исчезнуть. На всемъ земномъ шарѣ не много найдется такихъ мѣстъ, гдѣ бы море такъ успѣшно воевало съ сушею и такъ быстро разрушало берегъ. Кромѣ общихъ историческихъ указаній, которымъ нѣтъ основанія не довѣрять, въ краткой столѣтней жизни Одессы имѣются точныя данныя, несомнѣнно доказывающія быструю разрушенія одесскаго берега. Такъ какъ вопросъ этотъ играетъ въ жизни Одессы чрезвычайно важную роль, то я считаю необходимымъ подѣлиться имѣющимися въ моемъ распоряженіи довольно интересными указаніями въ этомъ направленіи. Начнемъ съ глубокой старины.

Нѣтъ сомнѣнія, что теперешній Одесскій заливъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ представлялъ значительно вдающуюся внутрь материка бухту, хорошо защищенную выступающимъ берегомъ отъ южныхъ вѣтровъ. На всѣхъ старинныхъ картахъ Чернаго моря XVI и XVII столѣтій сѣверо-западный уголъ теперешняго Одесскаго залива оканчивается очень глубоко врѣзывающеюся бухтою, которая не можетъ относиться къ лиманамъ, такъ какъ въ то время изъ лимановъ уже очень усердно вывозили соль; слѣдовательно, они уже давно были отдѣлены отъ моря. Разумѣется, совсѣмъ нельзя считать эти карты точными, тѣмъ не менѣе и онѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе объ общемъ характерѣ тогдашняго берега. Существуетъ указаніе (Warowski, I, 376), что знаменитый польскій король Владиславъ (Ягайло) отправлялъ въ 1415 году подольскую пшеницу для продажи въ Константинополь, именно, изъ гавани Качи-бей. Разумѣется, никакихъ молловъ въ то время не было, и нагрузка могла лишь производиться подъ защитою берега, какую представлялъ, по всей вѣроятности, выдающийся далеко въ море мысъ, бывшій продолженіемъ теперешняго Ланжерона. Вотъ когда, еще почти 500 лѣтъ тому назадъ, Одесса производила хлѣбную торговлю моремъ!

Въ послѣдующее время неоднократно встрѣчаются въ польскихъ документахъ указанія на торговые интересы въ Кочубіевѣ, куда нерѣдко приходили казаки въ гости, на что постоянно поступали жалобы къ польскимъ королямъ. Все это указываетъ на существованіе порядочной закрытой берегомъ гавани въ Кочубіевѣ—Одессѣ.

Одна изъ первыхъ сравнительно болѣе правильныхъ картъ сѣверо-западнаго берега Чернаго моря была составлена въ 1783 г. лейтенантомъ Пустошкинымъ. Правда, во время плаванія для составленія этой карты, главное вниманіе было обращено на опредѣленіе далеко вдающейся въ море песчаной банки, служившей продолженіемъ Клибуриной косы. Отмель эта опредѣлена точно, а на маленькій заливъ Хаджибей даже и вниманія не обратили: одесская бухта показана очень вдающеюся въ материкъ, а мысъ Ланжеронъ очень далеко выступающимъ въ море ос-

трымъ угломъ, чуть-ли не на цѣлую версту дальше теперешняго, и на немъ на самой возвышенной части показанъ маякъ. На другой, болѣе мелкаго масштаба картѣ, въ томъ же атласѣ лейтенанта Пустошкина, этотъ мысъ и маякъ названы Гаджибейскими. Добавимъ, что разстояніе Гаджибейскаго мыса до упомянутой выше отмели показано всего въ 9 верстѣ. Неужели одесская банка была такъ близка къ берегу?

Въ 1794 г. на мѣстѣ Гаджибея была основана Одесса. Чрезвычайно выгодное положеніе въ уютномъ углу по направленію единственнаго воднаго пути внутрь Россіи предвѣщало ей блестящую будущность. Поэтому естественно, что производившій въ 1797 и 1798 гг. описаніе береговъ Чернаго моря капитанъ-командоръ Биллингсъ обратилъ болѣе вниманія на Одессу, совершивъ чуть-ли не первую съемку ея береговъ и

детальный промѣръ залива. Какъ результатъ этихъ изслѣдованій въ древнемъ архивѣ морского министерства въ Петербургѣ хранятся подъ № 83 «карты и виды береговъ Чернаго моря капитанъ-командора Биллингса 1797—1798 гг.», имѣвшіе большое значеніе въ свое время, а теперь представляющіе громадный историческій интересъ. Атласъ капитанъ-командора Биллингса можно раздѣлить на три части: первая представляетъ собою нарисованные акварелью съ натуры виды наиболѣе значительныхъ въ то время пунктовъ Чернаго моря, именно виды Ахтіара (Севастополя), Козлова (Евнаторіи), Ялты, гдѣ тогда было лишь нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, мыса Тарханъ-Кута, соборенно дачи Василія Степановича Попова, и пр. Въ число этихъ видовъ Одесса попасть не удостоилась: въ то время, т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ, она была еще такъ ничтожна. Вторая часть атласа состоитъ

изъ нѣсколькихъ листовъ съ нарисованными тушью видами береговъ Чернаго моря въ той формѣ, какъ они представляются морякамъ на известномъ разстояніи съ моря. Въ числѣ этихъ видовъ на XIII листѣ вторымъ сверху данъ «видъ одесской рейды въ разстояніи 3 верстѣ на R SW 84°». Это первый и самый ранній снимокъ одесскихъ береговъ и города, нѣкъ-до сихъ поръ не указанный, между тѣмъ онъ имѣетъ большой интересъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ даетъ полное представленіе о формѣ одесскихъ береговъ и общемъ видѣ города въ 1798 году—ровно сто лѣтъ тому назадъ. По этому рисунку теперешній Ланжеронъ былъ въ то время далеко вдающимся въ море острымъ угломъ высокимъ мысомъ. Въ направленіи современнаго Карантинаго молла выдвигалась каменная гряда, послужившая ему первоначальнымъ основаніемъ. Такая-же каменная гряда выходила въ море продолженіемъ Воронцовскаго мыса и тоже послужила основаніемъ для военнаго молла. На мѣстѣ теперешняго Николаевскаго бульвара была пустыня съ обваливающимся берегомъ. Впрочемъ, еще долго и послѣ 1798 г. Николаевскій бульваръ служилъ мѣстомъ свалки мусора, почти до самыхъ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Вообще Одесса того времени представляла собою небольшую группу очень разбросанныхъ маленькихъ домовъ съ крѣпостію на приморскомъ концѣ Качанной и Новой улицъ. Приблизительно мѣсто теперешняго дворца на бульварѣ, нѣсколько дальше отъ обрыва, занималъ единственный постройки, съ высокими стѣнами и небольшимъ садомъ. Здѣсь, во время турецкаго владычства, вѣроятно, жилъ начальствующій бей. Какъ мало общаго имѣютъ эти разбросанныя хижины съ теперешними тѣсно сплоченными палатками? Могли въ то время кто-нибудь подумать о подобной метаморфозѣ въ теченіе какихъ-нибудь 100 лѣтъ!

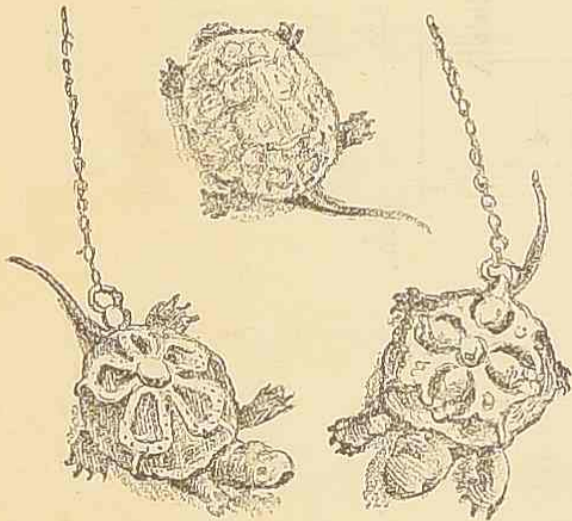
Но самую интересною съ точки зрѣнія разрушенія берега является третья часть атласа, гдѣ «сочинены карты», представляющія собою результаты съемокъ и промѣровъ. На XXVI листѣ помѣщена «карта отъ Межелъника I-го до Овидіополь сочинена флота капитаномъ перваго ранга и ковалеромъ Поспѣломъ Виллингсомъ 1798 года. Берегъ наложенъ по береговой описи на астрелябію коей стрелка имѣетъ склоненіе 10° 30' W Глубина назначена въ черномъ морѣ въ сажняхъ а въ Лиманѣ въ футахъ. Мачтабы въ дюймѣ Англинскомъ 2 версты». На этой картѣ одесскій берегъ представляется уже значительно измѣенной формы сравнительно съ картою лейтенанта Пустошкина и притомъ именно такой формы, которая представляется весьма вѣроятною и подтверждается съемкою лейтенанта Вудищева 1803 и послѣдующихъ годовъ. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно береговъ, ближайшихъ къ самому городу Одессѣ, такъ какъ онѣ, вѣроятно, сняты были гораздо точнѣе. Поэтому представляется чрезвычайно любопытнымъ сравнить тогдашнее очертаніе берега съ теперешнимъ. На прилагаемомъ рисункѣ правая линія представляетъ собою очертаніе берега на картѣ капитана Биллингса 1798 г., а лѣвая толстая черта—форму и положеніе современнаго берега по картѣ 1897 г. Заштрихованная часть представляетъ собою разницу между съемкою Биллингса 1798 г. и теперешнею, иначе сказать,—ту часть берега, которую размыло море въ теченіе ста лѣтъ. Разумѣется, съемку капитана Биллингса нельзя принимать столь-же точною, какъ современную, тѣмъ не менѣе ошибки ея ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть столь значительны, чтобы дать приведенную на рисункѣ разницу. Кромѣ того, эта разница во всѣхъ мѣстахъ берега является

одностороннею, указывающею неизменно на размывание берега. Наконецъ, разница берега близъ самаго города вполне подтверждается упомянутою раньше съемкою лейтенанта Будищева, которая сдѣлана вполне точно. Поэтому есть полное основаніе отнести съ достаточнымъ вниманіемъ къ указаніямъ капитана Биллинга. А указанія эти крайне любопытны. Изъ сравненія теперешняго очертанія и бывшаго 100 лѣтъ тому назадъ оказывается, что весь одесскій берегъ до Больше-Фонтанскаго маяка и дальше размывается и уносится въ море въ различныхъ мѣстахъ не одинаково — гдѣ больше, гдѣ меньше. Наибольшій размывъ замѣчается между Ланжерономъ и Малымъ Фонтаномъ, а также противъ балки Большаго Фонтана, гдѣ помѣщается теперь спасательная станція. Особенно великъ размывъ, почти въ 200 сажень, въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошелъ оползень и въ 1897 году. На Большомъ Фонтанѣ размывъ выражается тоже очень большою цифрою — около 160 сажень; на Ланжеронѣ около 140 сажень. Съ другой стороны есть мѣста, гдѣ за 100 лѣтъ берегъ не изменился или изменился очень мало, — это конецъ Николаевскаго бульвара, гдѣ находится зданіе думы, въ концѣ Новаго Бульвара, гдѣ крѣпость, противъ балокъ Малаго и Средняго Фонтановъ. По площади разница (защтрихованная) между очертаніями береговъ 333,200 кв. сажень или почти 139 десятинъ. Такимъ образомъ море въ теченіе ста лѣтъ унесло 139 десятинъ берега на разстояніи отъ Николаевскаго бульвара до Больше-Фонтанскаго маяка или среднимъ числомъ по 3332 кв. сажени ежегодно (1,39 десятины). Считаю въ настоящее время стоимость земли вдоль морского берега только въ 5000 р. за десятину или 2 р. за квадрат. сажень, море въ теченіе 100 лѣтъ обидѣло Одесу на 666,400 р. Иначе сказать одесскіе дачевладѣльцы ежегодно уплачиваютъ дань морю около 6664 р. по самой дешевой оцѣнкѣ. Но больше всего неприятно въ этомъ то, что неизвѣстно, съ кого въ данномъ году море пожелаетъ взять дань, съ города-ли, унесши кусокъ Ланжерона, или съ кого-либо изъ богатыхъ дачевладѣльцевъ Малаго Фонтана. Впрочемъ, и люди съ малымъ достаткомъ отъ этой дани морю точно также не гарантированы.

А. С.

БРОШКИ ИЗЪ ЖИВЫХЪ ЧЕРЕПАХЪ

являются послѣднимъ крайне своеобразнымъ словомъ парижской моды. Самыя маленькія индійскія черепахи, величиною въ серебряный рубль, и въсомъ не болѣе одного лота, покрываются по спинному щитку особой пластинкой изъ чеканнаго золота или платины, украшенной драгоценными ка-

Брошки изъ живыхъ черепахъ.

Костюмъ для гулянья.
(Отъ Ворта въ Парижѣ.)

меньями. Пластинка эта прикрѣпляется къ краямъ рогового щитка черепахи особыми крючками и снабжена золотой цѣпочкой для ношенія у корсажа.

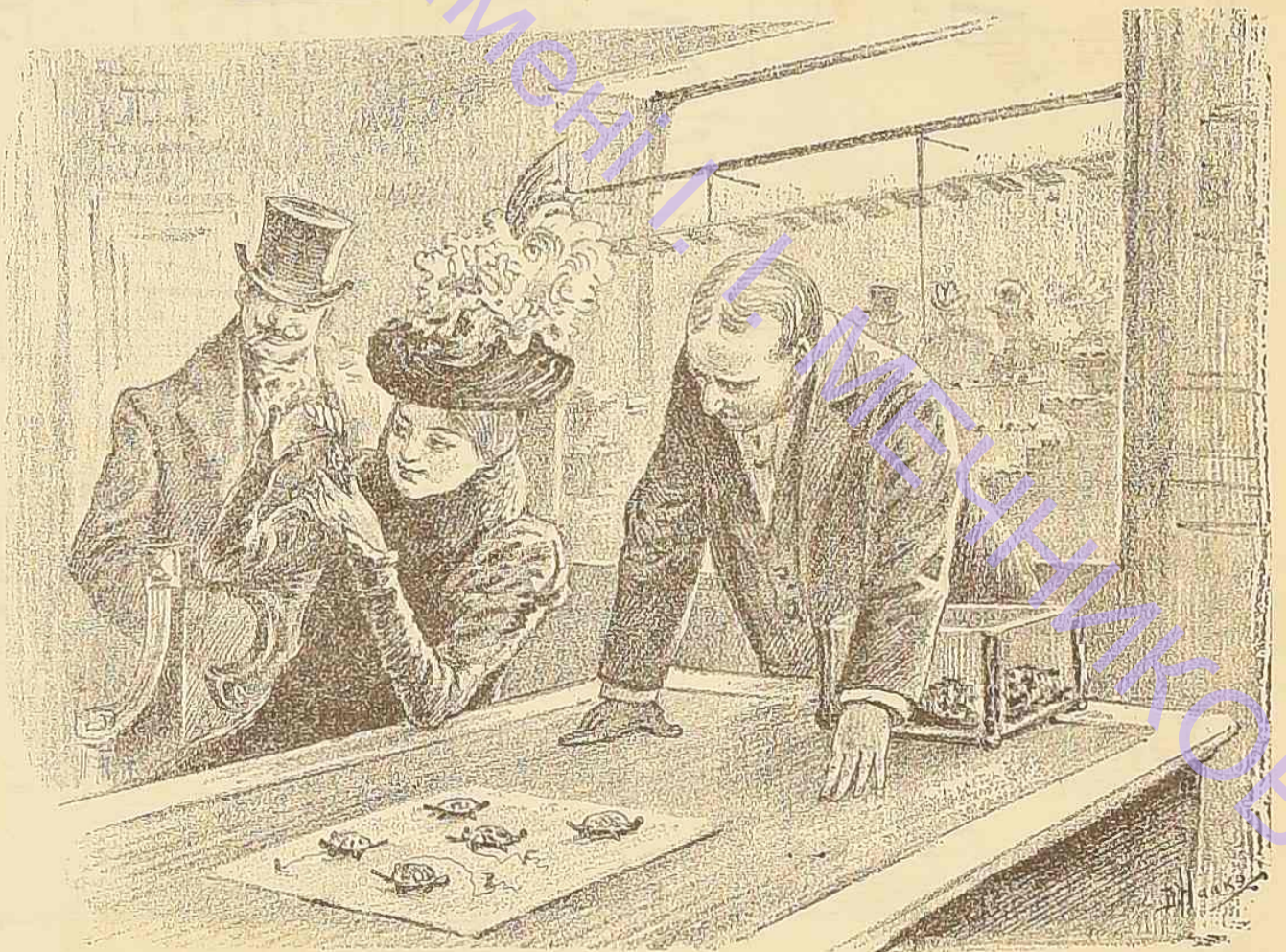
Эта новѣйшая выдумка парижскаго ювелира обличаетъ весьма дурной, извращенный вкусъ, и, кромѣ того, безвредна и для здоровья; извѣстно, что кожные болѣзни составляютъ обычное явленіе въ тѣхъ мѣстахъ Индіи, гдѣ туземцы занимаются ловлей этихъ черепахъ. При всемъ томъ эта мода fin de siècle пользуется въ Парижѣ огромнымъ успѣхомъ, въ особенности среди дамъ demi mond'a.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

♦ *Статистика о женщинахъ.* Замѣчено, что женщины среднимъ числомъ достигаютъ большей старости, въ сравненіи съ мужчинами, и каждый изъ насъ среди своихъ знакомыхъ насчитываетъ больше вдовъ, чѣмъ вдовцовъ. Тщательныя вычисленія доказали, что изъ 66 лицъ, достигающихъ ста лѣтъ и выше, 43 женщины и только 23 мужчины, а по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ оказывается даже, что на каждый миллионъ населенія насчитывается 41 мужчина въ столѣтнемъ возрастѣ, въ то время, какъ женщинъ въ томъ же возрастѣ 112.

♦ *Судьба одного туннеля.* Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Обществомъ Северо-Британской желѣзной дороги подъ уицами Единбурга прорытъ былъ туннель длиною въ 2 версты и на глубинѣ въ 60 ф. отъ поверхности земли. Въ виду постройки новой загородной линіи той же дороги этотъ туннель впоследствии оказался излишнимъ и долгое время стоялъ безъ всякаго употребленія. Десять лѣтъ тому назадъ Глазговецкимъ оторондикомъ братьямъ Р. и И. Патонъ пришла оригинальная мысль воспользоваться упраздненнымъ туннелемъ для разведенія въ немъ грибовъ. По произведеннымъ наблюденіямъ температура въ туннелѣ въ теченіе круглаго года оказалась совершенно равномерной, а это обстоятельство, вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ свѣта, дѣлало туннель идеальнымъ грибнымъ полемъ. Предположенія названныхъ оторондиковъ оказались столь основательными и результаты ихъ предпріятія настолько блестящими, что «Шотландская грибная компанія», къ которой это предпріятіе затѣмъ перешло, въ настоящее время, является королемъ грибнаго рынка цѣлой Англіи. Означенная компанія владѣетъ въ туннелѣ 800 грибными грядами, въ 36 кв. фуговъ каждая, приносящими ей около шестисотъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода.

♦ *Величайшій во мірѣ вокзалъ* недавно оконченъ постройкой въ Бомбей (Индія) Это великолѣпное зданіе изъ мрамора и гранита, въ древнеиндійскомъ стилѣ. Форма — подковообразная, съ огромными башнями, увѣнчанными куполами и съ фасадомъ изъ сводообразныхъ портиковъ. Зданіе строилось десять лѣтъ и обошлось въ 25 милліоновъ рублей.

У ювелира

Пастораль изъ 1-го акта оперы „Андреа Шенье“

Andantino grazioso. $\text{♩} = 80$

Г. Джіордано.